

Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области)

В.А. Ильных

Владимир Андреевич Ильных, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090 Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется реконструкция истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области в конце 1920-х — 1930-е годы. Работа выполнена в жанре микроистории, которая позволяет взглянуть на аграрную историю России сквозь призму повседневной жизнедеятельности ее непосредственных акторов — крестьян, объединенных в их первичные сообщества. Основной задачей статьи является воспроизведение хода коллективизации и определение ее цены на уровне отдельного сельского населенного пункта.

Коллективизация в Плотниково началась в конце 1929 года созданием коммуны-гиганта, которая развалилась после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов». На базе коммуны возник небольшой колхоз «Заветы Ильича». Коллективизация в селе возобновилась в 1931 году и завершилась к концу 1930-х. К этому времени в Плотниково не осталось ни одного единоличника.

Предметом освещения в статье также являются антикрестьянские репрессии, раскулачивание, локальный голод 1934/35 года, политика государства по регулированию размеров личных приусадебных хозяйств колхозников, поведенческие стратегии крестьян и сельских функционеров.

Сделан вывод, что к началу 1940-х годов по ряду показателей (численности населения, поголовью скота) Плотниково находилось или даже уступало уровню его развития в начале 1920-х годов. Коллективизация в целом негативно сказалась на уровне развития производительных сил сельского хозяйства в исследуемом селе. Испытания, которые выпали на долю жителей села в 1930-е годы, количественной оценке не поддаются и определяются нами вслед за В.П. Даниловым как «Трагедия советской деревни».

Ключевые слова: крестьянство, деревня, аграрная политика советского государства, коллективизация, колхозы, личные приусадебные хозяйства, микроистория, Сибирь, Т. Шанин, В.П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90

Институализация современного крестьяноведения в России произошла в начале 1990-х годов. Важной вехой данного процесса явилась начавшаяся в 1990 году под руководством одного из основателей и ведущего теоретика peasant studies Т. Шанина реализация историко-социологического проекта «Изучение

социальной структуры российского села». Первоначально в рамках проекта предполагалось осуществить комплексное социологическое обследование, в том числе методом глубокого погружения, ряда типичных сел и деревень Нечерноземья, Центрально-Черноземной зоны, Поволжья, Северного Кавказа, российского Севера и Сибири. Помимо изучения современного состояния избранных для обследования сельских населенных пунктов также проводилась детальная репрезентация прошлого каждого из них, запечатленного в исторической памяти сельских жителей (Шанин, 2002: 9-10).

В ходе подготовки к осуществлению проекта было решено дополнить материалы социологов архивными материалами и краткими историческими справками по обследуемым селам, выполненными профессиональными историками. Историческую часть проекта, реализация которой началась летом 1991 года, возглавил один из ведущих российских историков-аграрников В.П. Данилов. Работа историков не ограничилась составлением справок, а завершилась созданием 16 полновесных монографических очерков по истории данных сел. В их числе подготовленные нами совместно с исследовавшим досоветский этап истории Г.А. Ноздриным очерки истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области, села Шабаново Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области и поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края. Часть подготовленных историками очерков была опубликована (Данилов, 2002: 119, 120, 123, 136-137).

В этих работах, в отличие от большинства классических исторических трудов, исследовались не абстрактные и безликие классы, сословия, большие территориальные и социальные группы, а непосредственные акторы аграрной истории — крестьяне, объединенные в их первичные сообщества. Это позволило сделать очерки более предметными и эмоционально яркими.

Настоящая статья представляет собой часть выполненного в рамках проекта «Изучение социальной структуры российского села» монографического очерка по истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области. Хронологически и тематически статья ограничивается периодом коллективизации.

Двадцатилетие «рефлексивного крестьяноведения» в России является достаточным, но не единственным поводом для того, чтобы вновь обратиться к ранее подготовленным материалам. Еще одно основание для этого — современное состояние отечественной историографии проблемы коллективизации. Ряд крестьяноведов, не отрицая антикрестьянский характер аграрной политики советского государства в начале 1930-х годов, тем не менее полагают, что ее направленность кардинально изменилась к середине 1930-х. Встретив сопротивление крестьянства и осознав, что продолжение подобной политики создает угрозу существования их власти, лидеры сталинского режима и прежде всего И.В. Сталин пошли

на попятную и на компромисс с крестьянством. Показателем либерализации аграрной политики можно считать разрешение колхозной торговли и расширение нормативных размеров личного приусадебного хозяйства (ЛПХ). При этом переход к принципу колхозного строительства — «артель–село» вел к фактическому сохранению крестьянской общины. Это означало и сохранение крестьянства как класса, который был ликвидирован позднее, в результате политики Н.С. Хрущева (см.: Бабашкин, 2020). Если несколько утрировать данную позицию, то получается, что ее сторонники вручают Сталину лавры едва ли не главного сберегателя российского крестьянства.

Следует отметить, что определенная историческая логика в данной позиции есть. Однако ее адепты приходят к своим выводам, основываясь на традиционном для историографии общестрановом и крупнорегиональном подходах. Микроисторический подход, которым мы оперируем в данной статье, позволяет увидеть за историей крестьянства и деревни в целом судьбы не абстрактных, а конкретных людей. И поверить алгебру теоретических построений гармонией/дисгармонией деревенской жизни.

В качестве источников для написания работы использовались документы из фондов государственного архива Новосибирской области (ГАНО), государственного архива города Новосибирска (ГАН), периодическая печать конца 1920–1930-х годов, а также хранящиеся в Банке данных проекта (БД) «Изучение социальной структуры российского села» «семейные истории» нескольких плотниковских старожилов, составленные по результатам их опросов участниками проекта новосибирскими социологами Л.И. Ковалевой и Л.В. Гребенник. Использовались также материалы Г.А. Ноздрина.

В настоящее время с. Плотниково расположено в восточной части Новосибирского сельского района на берегу р. Ини, правого притока Оби в 30 км от Новосибирска. Село неоднократно меняло свое административное подчинение. С 1925 по 1929 год оно, будучи центром одноименного сельсовета, входило в состав Каменского района Новосибирского округа Сибирского края. Летом 1929 года Каменский район был ликвидирован, а из него и Бугринского района образовали Новосибирский (сельский) район. Летом 1930 года упразднили окружную систему. Сельские районы бывшего Новосибирского округа вошли в непосредственное подчинение властям Западно-Сибирского края. Сельсоветы Новосибирского (сельского) района при этом передавались в ведение Новосибирского горсовета. В июне 1931 года Плотниковский и еще 8 сельсоветов, подчиненных Новосибирскому горсовету, были переданы в состав Алексеевского района (в начале июня 1933 года переименованного в Мошковский). С конца 1933 по начало 1936 года Плотниково в связи с упразднением одноименного сельсовета входило в состав Репьевского сельсовета. В 1936 году Плотниковский сельсовет

восстановили. Осенью 1937 года Западно-Сибирский край разделили на Алтайский край и Новосибирскую область. Мошковский район вошел в состав последней¹.

Село, основанное между 1811 и 1816 годами, особенно бурно развивалось в начале XX века. Факторами роста являлось близкое расположение от регулярных путей сообщения (р. Оби, Транссибирской магистрали²) и г. Новониколаевска. Первая мировая и Гражданская войны снизили (хотя и не остановили) темпы его развития. Сельскохозяйственный кризис, связанный с серией низких урожаев и налогово-податным переобложением деревни, в районе расположения села и регионе в целом приходится на начало 1920-х годов (см.: Сельское хозяйство, 2012: 401). Нехватка семян, рабочего скота, отсутствие стимулов для расширения пашни, изношенность сельскохозяйственного инвентаря предопределили сокращение посевной площади. Ситуация в сельском хозяйстве осложнилась летом 1922 года, когда значительная часть яровых погибла от засухи. До четверти населения Каменской волости, в которую входило Плотниково, в том числе и многие жители самого села («которые совершенно питаются травой»), в связи с этим голодали³.

Восстановление аграрного производства в Плотниково началось в 1923 году в связи с уменьшением налогообложения и расширением государственной помощи крестьянству. Площадь посева в Плотниковском сельском обществе в 1923 году по сравнению с предыдущим годом увеличилась в 1,5 раза. В середине 1920-х годов тенденция поступательного развития сельхозпроизводства сохранилась. В 1927 году плотниковские крестьяне засевали 843 дес. (в 1921-м — 331 дес.). Поголовье лошадей в том же году составляло 414 голов, крупного рогатого скота (КРС) — 427, коров — 220, свиней — 433, овец — 659 голов (в 1923 году — соответственно 261, 331, 154 и 141 голова). В 1921 году в селе проживал 751 человек (380 лиц мужского и 371 женского пола), в 1927 году — уже 911 человек (443 мужчины и 468 женщин)⁴. Следует отметить, что показатели 1927 года уступали аналогичным показателям 1917 года по количеству населения и конскому поголовью. Ниже, чем до Революции, была и товарность крестьянских хозяйств.

Резкое усиление экономического и политического давления на деревню со стороны правящего режима в конце 1920-х годов

1. См.: Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. — июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. — сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): Справочник. Новосибирск, 1966. С. 170, 173-174, 177, 186, 187.
2. В настоящее время с. Плотниково находится на расстоянии 20 км от Транссибирской магистрали.
3. ГАНО. Ф. Р-1520. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
4. ГАНО. Ф. Р-1520. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; д. 29. Л. 28; Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 145. Б/л.

не могло не сказаться на хозяйственном положении крестьянства. Сравнение данных похозяйственных списков 1927 и 1929 годов по Плотниковскому сельсовету показывает, что поступательное движение сельской экономики фактически прекратилось. Так, количество продуктивного скота на территории сельсовета возросло несущественно (на 11 голов), а количество рабочих лошадей, напротив, снизилось на 11 голов. Уменьшилось и количество сложных сельскохозяйственных машин. В то же время выросло число беспосевных, безлошадных и бескорвных хозяйств⁵.

Осенью 1929 года усилились антикрестьянские репрессии. В октябре были приговорены к расстрелу два жителя села Плотниково — Ф.И. Басак и А.Я. Ощепков, «которые систематически вели злостную пропаганду, призывая население не сдавать хлебные излишки, избили бедняка Сидорова и угрожали расправой бедняку Звереву, секретарю ячейки и др.»⁶. С этих акций в Плотникове и началась коллективизация. В спецсводке ОГПУ сообщается, что «после проведения карательных мероприятий по хлебозаготовкам в с. Плотникове была организована коммуна в числе 26 хозяйств»⁷. В ноябре 1929 года после проведения «недели коллективизации» число членов коммуны, получившей наименование «Заветы Ильича», увеличилось. В декабре нажим на крестьян с целью заставить их вступить в коммуну резко усилился. Всевозможные уполномоченные устраивали почти ежедневные многочасовые собрания. Предложение части селян создать ТОЗ было ими отвергнуто. Уполномоченные и местные активисты разверстывали на крестьян, не желающих вступить в коллективное хозяйство, «твердые» налоговые и заготовительные задания, устраивали обыски, описывали и распродавали имущество. Частыми стали аресты и случаи издевательства. Так, А.В. Романовича (тестя респондента И.Ф. Митракова) заперли на ночь в топящейся бане за то, что он не хотел вступать в коммуну. «Пришел он утром: гори она и корова, и все, уведу, отдам» (в колхоз. — *В.И.*)⁸.

На базе коммуны «Заветы Ильича» создали коммуну-гигант с тем же названием, в которой на конец декабря 1929 года насчитывалось уже 273 хозяйства, в том числе 115 из Плотникова и 158 из соседних сел Репьева и Шмакова⁹. Точные размеры коммуны к марту 1930 года нам не известны. Но судя по воспоминаниям респондентов, в нее удалось загнать почти всех проживающих в Плотникове крестьян (за исключением раскулаченных).

Коллективизация сопровождалась экспроприацией и высылкой в отдаленные районы наиболее зажиточных крестьян. В январе 1930

5. ГАНУ. Ф. Р-1899. Оп. 1. Д. 677. Л. 3; Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 145. Б/л.

6. Советская Сибирь (Новосибирск). 1929. 27 окт.

7. ГАНУ. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 31. Л. 173.

8. История семьи Митраковых (записано Гребенник Л.В.) // Б.д.

9. ГАНУ. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 361.

года с территории Плотниковского сельсовета выслали в Нарымский край кулаков «первой категории»¹⁰: 60-летнего П.М. Мигунова вместе с женой Софьей 62 лет, дочерью Пелагеей 22 лет, сыновьями Николаем 16 лет и Егором 14 лет; 43-летнего П.И. Плотникова вместе с отцом Иваном Андреевичем 61 года, женой Анной 42 лет и сыном Арсением 22 лет. 4 февраля 1930 года собрание плотниковской бедноты постановило «ликвидировать» хозяйства Н.И. Брюшно, Марфы Басак, К.А. Нестеренко, Н.Ф. Скопцова, В.И. Ощепкова, П. Панкратова, П.О. Красковского «как вредные»¹¹. Эти крестьяне вместе семьями были также выслааны на Север. При этом следует иметь в виду, что большинство наиболее зажиточных плотниковцев, трезво оценив обстановку, к началу массовой коллективизации из села уже бежали. Однако чтобы добрать количество высылаемых до спущенной сверху разрядки¹², в число «кулаков» включались крестьяне, официально относимые к середнякам.

Руководство коммуны «Заветы Ильича», как отмечалось в спецсводке ОГПУ, вместо налаживания хозяйства обращало внимание на проведение в жизнь мероприятий политического характера. Так, в с. Репьева коммунары ликвидировали церковь, что вызвало недовольство населения округи. Т.С. Стельмахова рассказывала, что жители Репьева и Плотникова пытались ее защитить: «Народ прямо проклинал все на свете за церковь! Ну не хочешь, не ходи в церковь! Ну а зачем уничтожать? Хорошая церковь была, она не уступала городской. А колокола стали снимать, все и наши уехали туда, толпой стояли, защищали. И один нашелся маленький мужчина и говорит: „А я колокола сниму, мне советская власть доверила“. Тут баба одна и говорит: „Тебя советская власть и не видала, такое барахло. Колокола хай будут!“ Просили, аж плакали, и вот сумел, колокола он отцепил как-то, такая высота была. Колокола как полетели, а его как кинуло ветром на землю, било часа 2 и умер. А бабы говорят: „Его Господь сбросил“. Все ходили. Здесь село пустое было»¹³.

Партийка и Совет коммуны 11 января решили объединить имущество коммунаров, за исключением жилья и одежды. «Вопрос без всякой проработки был вынесен на обсуждение членов коммуны, и когда стали настаивать на немедленном объединении продовольственного хлеба среди коммунаров, получилось разногласие. В особенности женщины по своей инициативе стали

10. В первую категорию входил «контрреволюционный кулацкий актив» (СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105).

11. ГАНУ. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 849. Л. 42; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 818. Л. 9; Ковалева Л.И. Плотниково: власть на селе // БД «Изучение социальной структуры российского села».

12. Доля крестьянских хозяйств, подлежащих раскулачиванию, определялась для Сибири в 4–5% (Коллективизация сибирской деревни, 2009: 207).

13. История семьи Митраковых.

писать групповые заявления о выходе. На почве объединения продуктового хлеба из коммуны были намерены выйти до 50 хозяйств». Совет коммуны данную ошибку учел и свое решение отменил. На общем собрании приняли постановление: «Продуктовый хлеб точно учесть, норму оставив у каждого коммунара, объединив только выявленные хлебные излишки»¹⁴. Тем не менее часть семей сельских активистов (около 30 чел.) решили полностью объединить свое имущество, поселившись в отобранном у мельника доме («Жили вместе, готовили по очереди»).

Образования, подобные коммуне «Заветы Ильича», были непрочными и держались лишь на угрозе насилия. Доказательством этого стал массовый выход крестьян из нее после опубликования известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». В Новосибирском районе в целом уровень коллективизации снизился с 87,9% на 20 марта до 19,5% на 10 апреля и 14,8% на 10 мая 1930 года¹⁵. В Плотникове верными «социалистическому выбору» остались только 11 семей, организовавших в селе сельхозартель под тем же названием «Заветы Ильича»¹⁶.

Развал коммуны сопровождался несанкционированным разбором крестьянами имущества, которое они ранее передали в собственность коллективному хозяйству. Этому предшествовали два нелегальных собрания группы крестьян-средняков из семи человек. Сагитированные членами группы плотниковцы с 21 по 26 марта разобрали практически все колхозное имущество. «Причем, — как сообщается в спецводке ОГПУ от 16 апреля, — группа крестьян человек до 30, руководимая членом группировки Цыганковым, 26 марта вечером явившись на конный двор коммуны, разбирая своих лошадей и сено кричали: „Нас ограбили разбойники, воры. Пойдем расправимся с коллективами!“»¹⁷. Плотниковская молодежь распевала по этому случаю тут же сочиненную частушку: «Кто за гриву, кто за хвост, растащили весь колхоз».

На 20 июня 1930 года в Плотникове насчитывалось 174 двора с 904 жителями. Весной 1929 года здесь было 165 дворов, в которых проживал 921 человек. Таким образом, за год с небольшим численность населения в селе снизилась, тогда как количество дворов (за счет их ускоренного дробления) увеличилось. В сельхозартели «Заветы Ильича» состояло 16 дворов со 102 едоками. В колхозе насчитывалось 22 лошади и 9 коров. Колхозники весной 1930 года засеяли 127 га пашни. Вне сельхозартели в Плотникове проживали 802 человека, объединенных в 158 дворов. Площадь посева в единоличном секторе составляла 619,9 га. Всего в старой границе землепользования Плотниковского земельного общества было

14. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 298.

15. ГАНО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1503. Л. 61.

16. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 27.

17. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 569, 629.

засеяно 754,8 га (общественная запашка Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (ККОВ) составляла 7,9 га)¹⁸.

Осенью 1930 года правящий режим, оправившись от апрельского поражения, начал новый тур борьбы с крестьянством с проведения очередной хлебозаготовительной кампании. Плотниковских крестьян-единоличников обязали сдать государству 11 тыс. пудов. Это задание было выполнено уже к 25 октября. Однако на совместном заседании ячейки ВКП(б) и группы бедноты был принят так называемый встречный (дополнительный) план в размере 2,5 тыс. пудов¹⁹.

Осенью 1930 года власти стали уделять колхозам значительно больше внимания. 22 ноября на заседании президиума Новосибирского горсовета, в подчинении которого находился Плотниковский сельсовет, констатировались слабые темпы коллективизации в районе. Ее уровень к этому времени по сравнению с началом июня 1930 года вырос с 14,8 до 15,9%. На заседании отмечалась плохая организация труда в оставшихся коллективных хозяйствах, низкая его производительность, отсутствие трудовой дисциплины. Основные причины сложившегося положения власти видели не в своих ошибках, а в «засоренности» колхозов «классово-чуждыми элементами и кулачеством», которые стремились «разложить их изнутри». В числе наиболее «засоренных» был назван и колхоз «Заветы Ильича». Тем не менее участники заседания считали, что они в состоянии выполнить решение V окружной конференции ВКП(б) о сплошной коллективизации к весне 1932 года²⁰.

Чтобы сдвинуть процесс коллективизации, новосибирское руководство пошло по уже испытанному пути, послав в деревню горожан. В Плотниковский сельсовет направили бригаду из пяти человек: Игнатова С. (мельница № 3), Ферапонтова Я. («Союзгруз»), Калинина («Союзхлеб»), Брикулина (кирпичный завод) и Антонова (кожкомбинат). Из них три первых были членами ВКП(б). Вместо исключенного из кандидатов в члены ВКП(б) и отрешенного от должности местного жителя Кочана, которому было инкриминировано, что он «знал о наличии кулаков в сельхозартели „Заветы Ильича“, фактически руководил артелью, не приняв мер к их изоляции», на должность председателя Плотниковского сельсовета назначили новосибирского рабочего, члена компартии Гайдалова²¹.

Прибывшие в Плотниково рабочие занялись выявлением «классовых врагов» и чисткой колхозов. Из артели «Заветы Ильича» были исключены Сатыга Ф.К. и Коледа Т.А. с семьями. На объединенном заседании правлений колхозов «Новостройка»

18. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 287. Л. 109; ГАНО. Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 14. Б/л.

19. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 3. Д. 20. Л. 26.

20. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 256. Л. 184-185.

21. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 3. Д. 41. Л. 5; Д. 3. Л. 142; Д. 40. Л. 706.

(Шмаково) и «Заветы Ильича» 28 декабря по поводу последнего было принято следующее решение: «Слушали выявление кулаков в колхозе <...> Все мероприятия, коллективизация проходят при классовой борьбе. Коледа Тимофея Александровича отнести к зажиточной части и исключить из колхоза». И это несмотря на то что Коледа Т.А. был в свое время председателем Плотниковского ревкома, занимал другие выборные должности (председателя ККОВ, председателя Репьевско-Плотниковского общества потребителей), в 1927 году был одним из организаторов и членом правления машинного товарищества «Коллективный труд», одним из первых вступил в коммуну «Заветы Ильича» и работал в ней завхозом. Весной 1930 года его семья в числе 11 других на развалинах коммуны-гиганта организовала одноименную сельхозартель, где Коледа работал бригадиром по полеводству. Тем не менее ему припомнили, что он до 1925 года нанимал (в связи с занятостью на выборных должностях) сроковых батраков на период сева и уборки, а также в 1922 году арендовал переправу через р. Иню²².

Филиппа Карповича Сатыгу обвиняли в том, что он «эксплуатировал наемный труд и сельхозмашины²³, занимался скупкой бедняцких покосов и продавал с прибылью²⁴, торговал живым скотом и водкой из-под полы, держал переправу через реку, с неуплативших деньгами брал седелки, снимал шапки, брал овец. Во время пребывания в колхозе вел разлагательную работу. Работал счетоводом, подделывал счета»²⁵.

«Вычищенные» из колхоза крестьяне зачислялись в разряд «кулаков». За этим следовало их индивидуальное обложение сельскохозяйственным налогом, иными видами денежных налогов и сборов²⁶, разверстка на их хозяйства «твердого» хлебазаготовительного задания²⁷. Всего до начала 1931 года

22. ГАНУ. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 26-27.

23. Речь идет о сдаче в наем сельхозмашин.

24. Речь идет об аренде покосов, выделенных общиной ее членам, с целью их дальнейшей субаренды.

25. ГАНУ. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 107.

26. В соответствии с действующим налоговым законодательством в трудовых крестьянских хозяйствах сельхозналогом облагалась лишь часть годового дохода. Индивидуальное обложение, применяемое к хозяйствам, относимых к категории кулацких, предполагало обложение всей совокупности доходов. Сумма сельхозналога на такое хозяйство в 1930/31 окладном году в Сибирском крае почти в 15 раз превосходила обложение остальных единоличников, выплачивающих налог. При этом сельхозналог составлял лишь 45% от суммы обязательных денежных платежей, предварительно начисленной на один облагаемый в индивидуальном порядке двор (Аграрная политика, 2011: 488).

27. Объем так называемого твердого заготовительного задания должен был равняться всем выявленным в облагаемых им хозяйствах «товарным излишкам» хлеба.

в категорию кулацких попало 12 крестьянских семей, проживающих на территории Плотниковского сельсовета. Восемь из них от непосильного налогового-податного обложения сбежали из деревни. В начале 1931 года инспекторами горфинотдела было выявлено еще 3 семьи для индивидуального обложения²⁸.

В мае 1931 года в Сибири была проведена еще более широкомасштабная, чем в предыдущем году, операция по депортации жителей деревни, относимых к «кулакам» (см.: Аграрная политика, 2011: 487-488). С территории Плотниковского сельсовета в Нарымский край были высланы семьи:

1. Панцевич С.Я., 27 лет (члены семьи — жена Анна 24 лет, сын Петр — 2 лет, мать Пелагея 71 года);

2. Панцевич М.Я., 35 лет (жена Анна 35 лет, дочери Елена и Мария 18 и 8 лет, сыновья Александр и Петр 4 лет и одного года);

3. Сатыги Ф.К., 43 года (жена Татьяна 39 лет, мать Христина 66 лет, сыновья Василий и Александр 16 и 6 лет, дочери Анна, Мария, Ольга, Елена и Нина — соответственно 13, 11, 8, 3 лет и одного года);

4. Плотникова А.С., 37 лет (жена Анастасия 36 лет, мать Евдокия 61 года, сыновья Матвей, Николай и Петр 17, 11 и 8 лет, дочери Евдокия, Марфа, Навида 15, 6 и 2 лет).

Кроме того, была выслана семья осужденного на 5 лет начетчика баптистской секты Башко В.Ф. — жена Ирина 39 лет, дочь Лидия и годовалый сын Петр. Всего, таким образом, в 1931 году на спецпоселение было выслано как минимум 32 человека.

Вышеприведенные сведения извлечены нами из списка крестьян Плотниковского сельсовета, лишенных избирательных прав в период с 1928 по 1932 год. В этот список внесена 31 семья в составе 149 человек. Из них на октябрь 1932 года были расстреляны 3 человека, находились в тюрьмах и на спецпоселении 3 и 40 человек соответственно, сбежало в неизвестном направлении 28 человек, проживали в Новосибирске 44 человека и на территории Плотниковского сельсовета 31 человек²⁹.

Депортация сделала свое дело. Темпы коллективизации резко увеличились. Ее уровень в Новосибирском сельском районе вырос с 21% на середину марта 1931 года до 37% на конец мая. В июне 1931 года доля крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы, в Алексеевском районе, в состав которого был передан Плотниковский сельсовет, составляла 35%³⁰.

Ликвидация единоличного крестьянства как класса продолжалась до конца 1930-х годов. Налоговый нажим, ограничение землепользования, политическое и административное давление,

28. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 256. Л. 117.

29. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 818. Л. 9-13.

30. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 301; 405; ГАНО. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 100. Л. 115.

постоянная угроза депортации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. К концу 1932 года вне колхозов в Алексеевском районе было 55% крестьянских дворов, в начале 1934 года в Мошковском районе³¹ — 48%, на долю которых приходилось 24% посевной площади, в начале 1936 года — 19%, а к 1937-му — не более 10%³².

Количественный состав сельхозартели «Заветы Ильича» в 1932–1940 годах изменялся следующим образом (данные на конец года)³³:

Год	Дворов	Населения в них
1932	58	нет свед.
1934	106	434
1935	147	606
1936	151	нет свед.
1937	116	605
1938	114	522
1939	123	526
1940	110	441

Наибольший рост числа колхозников в Плотникове, как и в целом по Западной Сибири, приходится на 1935 год, что связано с начавшимся в предыдущем году существенным усилением давления органов власти на единоличников (см.: Аграрная политика, 2011: 525–526, 539). Точные причины снижения числа колхозных дворов сельхозартели «Заветы Ильича» в 1937, 1938 и 1940 годах нам неизвестны. Но вероятнее всего, они были общими для всего региона — добровольный выход и выезд или бегство из деревни, исключение из колхоза лиц, не выработавших минимума трудодней, нарушающих трудовую дисциплину, не устраивающих власти по политическим мотивам.

Однако увеличение уровня коллективизации происходило не столько за счет приема в колхозы новых членов, сколько за счет существенного сокращения сельского населения. Бывшие единоличники в своем большинстве не вступали в колхозы, а уходили в города и рабочие поселки.

По мере роста уровня коллективизации уменьшалось число единоличников. На 1 января 1935 года в Репьевском сельсовете

31. Изменение названия района произошло в связи с переименованием райцентра — с Алексеевского — в с. Мошково.

32. Алексеевский колхозник. 1933. 18 янв.; ГАНУ. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 40. Л. 211; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 69.

33. ГАНУ. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 20. Л. 66; ГАНУ. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 56; Д. 454. Л. 30; Д. 534. Л. 91; Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 89; Д. 120. Л. 193; Д. 217. Л. 189; Д. 343. Л. 121.

было 592, а на 1 января 1936 года 158 хозяйств единоличников. На 28 августа 1937 года на территории Плотниковского сельсовета насчитывалось всего 11 единоличных дворов. К началу 1940 года их не было ни одного³⁴. Вспоминает П.П. Логинова: «И последних единоличников налогами задушили <...> Потом человеку уже некуда было деваться. Поле где-то далеко, далеко в логах давали. Невыносимо было, и он шел в колхоз, подавал заявление. Никогда никто по согласию не шел. Человек привык всю жизнь сам по себе жить. <...> Потом и старики уже в колхоз вошли. А то все не хотели: „Не пойдем в ад!“ А деваться уже некуда было»³⁵.

Единоличники вступали в колхоз или покидали места постоянного проживания из-за непомерного налогового гнета и оказываемого на них морально-политического давления. Однако положение колхозников было ненамного лучше, а иногда и хуже, чем у крестьян-единоличников.

Наиболее тяжелым для крестьян восточных районов Западно-Сибирского края, включая Мошковский, был 1934/35 год. 1934 год оказался неурожайным. В конце лета и начале осени там шли почти непрерывные дожди, что привело к замедлению темпов хлебозаготовок и к массовым потерям зерна (см.: Ильиных, Лапердин, 2020: 269-270). Тем не менее краевые, а затем и районные власти квалифицировали объяснение руководителей колхозов и сельсоветов о причинах сложившегося положения как «мокрые настроения» и «кулацкую агитацию, направленную на оттяжку и срыв зернопоставок государству». За «преступную неорганизованность и безответственность в руководстве кампании по уборке, обмолоту и сдаче зерна государству» президиуму Репьевского сельсовета, в составе которого находилось с. Плотниково, в конце августа 1934 года был объявлен выговор, а сельсовету в целом вручено «рогожное знамя»³⁶.

Однако от грозных окриков со стороны районных и краевых властей хлеба в колхозах не прибавилось. А тот, который удалось убрать и высушить, был почти подчистую изъят государством. Зерна не хватало даже для засыпки семян. В «Заветах Ильича» зерновых в семфонде было лишь 43% от необходимого. В результате, как сообщал заместитель начальника УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю, на трудодни в Мошковском районе даже в самых благополучных колхозах за 1934 год было выдано в пять раз меньше, чем за предыдущий год в целом по району. Многие же колхозы вообще не имели хлеба для выдачи по трудодням. В ответ на это

34. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 70; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 70. Л. 106; Д. 94. Л. 94.

35. История семьи Логиновой П.П. (записано Ковалевой Л.И.) // БД «Изучение социальной структуры российского села».

36. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 38. Л. 101.

колхозники в массовом порядке отказывались от выхода на работу, за что их из колхозов исключали. Продовольственные карточки в конце 1934 года были отменены. Однако хлеба в продаже не было ни в магазинах, ни на базарах. Крестьяне в этих условиях были вынуждены питаться суррогатами³⁷.

Ситуация осложнялась еще и тем, что многие колхозники не имели скота в своих ЛПХ. Его «обобществили» на начальных этапах коллективизации. Отсутствие или минимальные размеры ЛПХ в сочетании с крайне скудной натуральной и денежной оплатой труда в колхозах приводили к постоянному недоеданию, периодически переходившему в голод. Полуголодные крестьяне не имели ни сил, ни желания работать на колхозных полях и фермах. Для того чтобы исправить ситуацию, лидеры большевистского режима сделали ставку на определенное расширение размеров приусадебного хозяйства. Еще весной 1932 года ЦК ВКП(б) осудил практику принудительного обобществления скота колхозников и призвал оказать членам колхозов, не имеющим коров или мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка. Задача ликвидации бескоровности колхозников была также поставлена в августе 1933 года (Аграрная политика, 2011: 526, 527).

Однако ситуация в личном секторе экономики выправлялась достаточно медленно. В конце 1934 года в «Заветах Ильича» из 106 хозяйств коровы были в 50 (50 голов), телки в 9, свиньи в 25 (28 голов), овцы в 26 (51 голова). 47 колхозных дворов не имели ни коров, ни телок, а 43 — вообще никакого скота (в 1926 году никакого скота в Плотникове не было лишь в трех хозяйствах)³⁸. Основным продуктом питания сельских жителей в этих условиях стал картофель. Однако часть его урожая, а также часть произведенного в ЛПХ молока, шерсти и мяса колхозники сдавали государству в счет обязательных поставок. К мясopоставкам же привлекались все колхозные дворы, «независимо от наличия в этих хозяйствах скота и птицы». Если таковые у них отсутствовали, мясо следовало купить у соседей или на рынке, а затем сдать государству (Аграрная политика, 2011: 512-513).

Наученные горьким опытом 1932–1933 годов, власти в начале 1935 года предприняли ряд мер с целью не допустить массовой гибели жителей села от голода. Большим группам колхозников официальной разрешили отходничество. Из Мошковского района 495 человек в организованном порядке были отправлены в Омскую область. На конец 1934 года в «Заветах Ильича» в отходе находилось 32 его члена. В начале 1935 года в районе была организована торговля завезенным хлебом. Колхозам выдали возвратную семенную

37. ГАНУ. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 277. Л. 31.

38. ГАНУ. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 57.

ссуду. Весной сельхозартели района получили ссуду отрубями для поддержания тягловой силы на период сева³⁹.

Для укрепления ЛПХ в этом году стала более широко практиковаться передача и продажа скота с колхозных ферм в личную собственность колхозникам. В «Заветах Ильича» в течение года его членам передали 11 овец и 53 свиньи. Кроме того, была осуществлена прирезка из земель выгона в приусадебные участки сельских жителей 44,4 га⁴⁰. Трагедии, подобной случившейся за два-три года перед тем в Поволжье и на Украине, в недородных районах Западной Сибири в 1934/35 году не произошло. Тем не менее убыль населения в Плотникове продолжалась. В 1936 году в селе насчитывалось 162 семьи в составе 693 человек⁴¹.

Взросшее внимание к ЛПХ во второй половине 1930-х годов дало свои плоды. На личных подворьях сельских жителей появлялось все больше сельскохозяйственных животных. В 1936 году в Плотникове коров и телок не имели 25, свиней — 14, овец — 12 колхозных дворов. В 1937 году бескоровными оставались 12 семей. В 1939 году коров, свиней и овец имели 122 хозяйства из 123, входящих в «Заветы Ильича»⁴².

Однако рост ЛПХ наталкивался на пределы, установленные в Уставе сельхозартели. Превышение нормативных размеров личного подворья, по мнению властей, отвлекало крестьян от работы в колхозе. В связи с этим в 1939 году была проведена первая широкомасштабная кампания по ограничению размеров ЛПХ, которая заключалась в изъятии у колхозников и других жителей деревни «излишков» скота и земли, а также значительном увеличении размеров налогово-податного обложения личного сектора аграрной экономики (см.: Аграрная политика, 2011: 570-572). Лишняя земля отрезалась, а сверхнормативный скот подлежал передаче на колхозные фермы или забою и сдаче государству по ценам мясопоставок⁴³. В «Заветах Ильича» выявили 12 нарушителей Устава сельхозартели по нормам содержания скота в ЛПХ. Двое из них (Черных А.Д. и Кузнецов И.П.) имели в своих хозяйствах рабочих лошадей, восемь — по две коровы и один — 12 овец. Кроме того, в Плотникове было 4 семьи, имевшие по 80 сотых га огорода. Причем правление колхоза разрешило последним дополнительную посадку картофеля еще и в поле⁴⁴. Размеры ЛПХ

39. ГАНО. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 277. Л. 31; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 49. Л. 35-36; Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 56.

40. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 66. Л. 100; Д. 55. Л. 103.

41. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 70.

42. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 534. Л. 92; Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 90; Д. 217. Л. 122.

43. Государственные заготовительные цены, которые уплачивались крестьянам за обязательные мясопоставки, на порядок уступали рыночным.

44. В соответствии с Примерным уставом сельхозартели, утвержденным ЦК ВКП(б) и СНК СССР 18 февраля 1935 г., содержание лошадей

указанных хозяйств были доведены до установленных нормативов. Однако 4 колхозника (Лавренко Д.П., Волков И.Н., Мониц П.У. и Шикюля И.) вместо того, чтобы сдать «лишних» коров государству или колхозу, продали их на рынке⁴⁵.

На взаимоотношения государственных и партийных органов с крестьянством в 1930-е годы существенное влияние оказывала сталинская теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Не минули Плотниково репрессии 1937 года, когда арестовали проживавших в селе бывших военнопленных австро-венгерской армии и поляков⁴⁶. Однако репрессировали в 1930-е годы не только «шпионов». Даже вызванное объективными обстоятельствами невыполнение многочисленных государственных планов и заданий могло быть квалифицировано как акт открытого, имеющего политический характер сопротивления. Впрочем, без сопротивления, преимущественно пассивного, не обходилось. Именно так, на наш взгляд, можно квалифицировать многое в поведении местных плотниковских функционеров, ряд представителей которых хотя и не были настоящими народными защитниками, но все же «не расшибали себе лоб» в стремлении как можно скорее выполнить любое приказание сверху и старались по возможности облегчить жизнь своих односельчан.

Вероятно, поэтому Плотниковский и Репьевский сельсоветы, село Плотниково, колхоз «Заветы Ильича» при проведении хозяйственно-политических кампаний в 1930-е годы не находились в передовиках, а числились среди отстающих, а порой и «саботажников». Так, в начале 1933 года колхозу «Заветы Ильича» было поставлено на вид за то, что в нем приступили к выдаче хлеба на трудодни, не засыпав и трети семенного фонда⁴⁷. Осенью того же года по поводу слабого темпа уборочных работ в этом колхозе президиум Мошковской РКК-РКИ принял пространное постановление, в котором объявлялось об исключении из рядов ВКП(б) председателя правления сельхозартели Чердакова «за срыв уборочной кампании, не сдачу в срок хлеба государству, за бесхозяйственность, за бесконтрольность в расходовании

в ЛПХ колхозников земельных районов Уставом сельхозартели не предусматривалось. Нарушением устава также являлось предоставление колхозникам земли для посадок на колхозном поле. В соответствии с нормами Устава в Мошковском районе (зерновая зона) предоставляемый для приусадебного посева участок не должен был превышать 0,8 га. Колхозникам района разрешалось иметь 1 корову, до 2 голов молодняка КРС, 1–2 свиноматки с приплодом, до 10 овец (СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82; Советская Сибирь. 1935. 28 апр.).

45. ГАНУ. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 374. Л. 61, 192; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.

46. Гребенник Л.В. Плотниково: социально-пространственная картина жизни сельского населения // БД «Изучение социальной структуры российского села»; История семьи Логиновой П.П.

47. Алексеевский колхозник (с. Алексеевское). 1933. 27 янв.

хлеба», и о передаче материалов на него в следственные органы⁴⁸. В постановлении президиума Мошковского райисполкома от 26 октября 1934 года сообщалось, что правление сельхозартели «Заветы Ильича» укрыло от обложения часть поголовья КРС, к сдаче молока приступило только с начала октября и за две с половиной декады месяца выполнило план молокопоставок только на 3%⁴⁹.

Неудовлетворительно, по мнению властей, обстояли дела в Репьевском сельсовете со сдачей хлеба государству единоличными хозяйствами в 1935 году. Вместо запланированного по району окончания выполнения годового плана зернопоставок по единоличникам к 15 сентября он был выполнен к этому сроку на 42%. По Репьевскому сельсовету выполнение составило лишь 15%. Особый гнев районных властей вызвал председатель сельсовета А.Е. Бобров, который, взяв в колхозах молотилки, помог единоличникам обмолотить зерно, однако вместо того, чтобы заставить их немедленно сдать намолоченный хлеб государству в счет выполнения плана обязательных поставок, позволил развезти его по дворам. Более того, А.Е. Бобров выдал членам сельсовета, которые обеспечивали работу молотилок, заработную плату зерном. Последнее было квалифицировано Мошковским райисполкомом и бюро райкома ВКП(б) как «факт организованного хищения хлеба единоличников»⁵⁰.

«За саботаж хлебосдачи по единоличному сектору, за допущение хищения хлеба единоличников членами сельсовета, за сознательную затяжку молотбы в единоличном секторе» президиуму Репьевского сельсовета был объявлен строгий выговор, а председатель снят с работы, исключен из партии и отдан под суд. Вместе с А.Е. Бобровым к судебной ответственности были привлечены («хищники», как их назвал на страницах мошковской районной газеты селькор «комсомолец Петрикевич») члены Репьевского совета Шкадов Е., Шкадов И., Савченко С., Гладкий И., Кобзарев и Хорошуля, получившие указанную оплату натурой. Осужден на один год исправительных работ был еще один член того же сельсовета Забавчук А., который принял зерно от единоличников Бутылкина Ф. и Матько на хранение с целью его сокрытия⁵¹.

После выполнения отдельными колхозами и районами годового государственного хлебозаготовительного плана в них начиналась кампания по хлебозакупу. От имени государства его вела потребкооперация. Закупочные цены на 20–25% превышали цены, по которым оплачивались хлебопоставки, но на порядок уступали рыночным (Аграрная политика, 2011: 414). В соответствии

48. Мошковский колхозник (с. Мошково). 1933. 1 сент.

49. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 38. Л. 145.

50. За большевистские колхозы (с. Мошково). 1935. 19 сент.

51. За большевистские колхозы. 1935. 13 сент., 19 сент., 17 сент.

с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 января 1934 г. «безусловно» запрещало навязывать крестьянам «какие-либо обязательные задания, разверстку или планы продажи хлеба». Решение о его продаже должно было приниматься на собраниях колхозников или единоличников, без «какого бы то ни было административного принуждения»⁵². Некоторые колхозники продолжали верить публичным декларациям верховной власти и пытались отказаться от навязываемых им планов закупок. Однако реальность противоречила их ожиданиям. План хлебозакупа принимался в Центре, а затем разверстывался по регионам и далее — по районам, сельсоветам, колхозам. Отказ же от принятия разверстанного на село или колхоз плана расценивался как действие врагов советской власти и колхозного строя.

В начале октября 1935 года от принятия навязываемого им плана хлебозакупа (400 ц) отказались члены сельхозартели «Заветы Ильича», за что попали в постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 14 октября 1935 года «О ходе хлебозакупа»⁵³. В нем отмечался слабый ход закупок в Мошковском и шести других районах. «Райкомы и райисполкомы перечисленных районов не мобилизовали партийные, советские организации и колхозный актив на разоблачение и разгром кулацких недобитков, ведущих наглу, открытую антисоветскую агитацию против хлебозакупа. Мошковский райком и райисполком самоустранились от руководства делом хлебозакупа и допустили в колхозах „7 съезд Советов“ Мошковского сельсовета, „Заветы Ильича“ Репьевского сельсовета, „Путь батрака“ Томиловского сельсовета, выступление врагов колхозного строя, направленные на срыв такого важнейшего мероприятия, как продажа хлеба потребкооперации». В опубликованном в мошковской районной газете информационном сообщении заместителя краевого прокурора и прокурора Мошковского района виновниками произошедшего в «Заветах Ильича» были названы колхозники Нефеденко К., Простатов П. и Коледа П.⁵⁴.

В постановлении крайкома и крайисполкома бюро Мошковского райкома ВКП(б) и президиум райисполкома (уже без снятого с работы председателя) предупреждались, «что если в течение второй декады октября не будут приняты меры, обеспечивающие успешный ход хлебозакупа путем разворота массовой политической работы, тщательной подготовки проведения колхозных собраний для выделения фондов и заключения договоров на продажу колхозами и колхозниками хлеба государству — к ним будут применены более суровые меры взыскания».

52. СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 37.

53. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 660. Л. 9 об.-10.

54. За большевиетские колхозы. 1935. 16 окт.

Мошковские районные власти, исполняя грозное постановление краевого начальства, подготовили и провели в указанных колхозах собрания, на которых были приняты покаянные решения. Колхозники «Заветов Ильича» на общем собрании 20 октября решили продать государству кроме ранее разверстанных 400 ц еще 25 ц дополнительно, а Нефеденко К., Простатова П. и Коледу П. как «врагов колхозного строя» из сельхозартели исключить. Еще до этого перечисленные крестьяне были арестованы «за контрреволюционную агитацию против хлебозакупа и советской торговли»⁵⁵.

«Заветы Ильича» и в дальнейшем неоднократно попадали в районные «черные списки». В частности, в феврале 1941 года был снят с работы и привлечен к судебной ответственности «за срыв государственного задания по лесозаготовкам для переселенческого строительства, за систематическую пьянку и развал трудовой дисциплины в колхозе» его очередной (за 1933–1940 годы их в сельхозартели сменили как минимум шесть) председатель Цыганков А. Он не посылал на лесозаготовки колхозников и тягловую силу, «мотивируя тем, что в колхозе недостаточно людей и истощенные лошади», но в то же время заключил с одной из городских организаций договор (вероятно, достаточно выгодный для колхоза) на вывозку сена в Новосибирск⁵⁶.

На 1 января 1940 года в Плотникове насчитывалось 110 колхозных дворов, численность колхозников и членов их семей составляла 441 человек. Единоличников к этому времени в селе уже не осталось. Число служащих было незначительным. В сельхозартели «Заветы Ильича» на указанную дату было 65 голов КРС, в том числе 14 коров (в ЛПХ колхозников — 110 коров), 165 лошадей, 100 свиней и 179 овец. Колхоз владел одним грузовым автомобилем (на 1 января 1941 года грузовик в колхозе уже не числился). В Плотникове на р. Ине была построена первая в области колхозная гидроэлектростанция, функционирующая в летний период. Площадь посева в колхозе в 1940 году составляла 848 га (776 дес.)⁵⁷. В 1939 году «Заветы Ильича» и еще 35 колхозов южной части Мошковского района обслуживала Мотковская МТС. В ней числилось 67 тракторов и 35 зерноуборочных комбайнов⁵⁸.

В 1940 году, согласно годовому отчету, валовый сбор зерновых в колхозе составил 3931 ц (4,8 ц/га). Государству из этого урожая было сдано 2179 ц (55% валового сбора). Выдача зерна на один трудодень колхозникам составила 0,76 кг, трактористам — 3 кг. В наиболее урожайный из предвоенных лет 1937 год собрали 5394 ц

55. За большевистские колхозы. 1935. 16 окт., 24 окт.

56. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 108. Л. 95.

57. ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 343. Л. 189-191; Д. 465. Л. 121.

58. Новосибирская область в 1939 г.: стат. справочник. Новосибирск, 1940. С. 215.

хлеба (7,1 ц/га). Государству сдали 2338 ц (43%). Колхозники на трудодень получили 1 кг зерна⁵⁹.

К началу 1940-х годов по ряду показателей (численности населения, поголовью скота) Плотниково находилось или даже уступало уровню его развития в начале 1920-х годов. Засевалось в 1940 году в колхозе «Заветы Ильича» больше, чем в Плотниковском земельном обществе в 1926 году, но меньше, чем в 1927 году. В то же время обеспечиваемый внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов (принудительная товарность) существенно вырос. Коллективизация, таким образом, в целом негативно сказалась на уровне развития производительных сил сельского хозяйства в исследуемом селе. Испытания, которые выпали на долю жителей села в 1930-е годы, количественной оценке не поддаются и определяются нами вслед за В.П. Даниловым как «Трагедия советской деревни».

Библиография

- Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. (2011). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Бабашкин В.В. (2020). Социальные последствия коллективизации 1930-х гг. и «второй коллективизации» 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.
- Данилов В. (2002). Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН. С. 115–141.
- Ильиных В.А., Лапердин В.Б. (2020). Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Рос. академ. наук., Сиб. отд-ние.
- Коллективизация сибирской деревни (январь–май 1930 г.): сб. документов (2009). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы (2012). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Шанин Т. (2002). Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН. С. 9–30.

Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region)

Vladimir A. Il'inikh, DSc (History), Head of the Agrarian and Demographic History Sector, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Ac. Nikolaev St., 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

Abstract. The author reconstructs the history of the Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region in the late 1920s – 1930s. The research was conducted in the microhistoric format, which allows to consider the agrarian history of Russia in

⁵⁹ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 89-95; Д. 343. Л. 189-192.

the everyday perspective of its direct actors – peasants united in their primary communities. The article aims at presenting the course of collectivization and its price for a certain rural settlement. In the Plotnikovo village, collectivization began at the end of 1929 with the creation of a giant commune which collapsed after the publication of Stalin's article "Dizzy with Success". The small collective farm "Zavety Ilyicha" was established on the basis of this commune. Collectivization resumed in 1931 and ended in the late 1930s. The author also considers anti-peasant repressions, de-kulakization, local famine in 1934-1935, state regulations of the size of the collective farmers' smallholdings, behavioral strategies of peasants and rural officials. The author concludes that in the early 1940s the Plotnikovo village was at the same or even lower level of development than in the early 1920s. Thus, in general collectivization had a negative impact on the development of agricultural productive forces in the village under study, and the difficulties the villagers survived in the 1930s cannot be counted – only named by V.P. Danilov's term 'tragedy of the Soviet village'.

Key words: peasantry, village, agrarian policy of the Soviet state, collectivization, collective farms, smallholdings, microhistory, Siberia, T. Shanin, V.P. Danilov

References

- Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i selskoe hozjystvo v Sibiri v 1930 gg.* (2011) [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in the 1930s], Novosibirsk: II SO RAN.
- Babashkin V.V. (2020) Sotsialnye posledstviya kollektivizatsii 1930-h gg. i "vtoroj kollektivizatsii" 1950-h gg. [Social consequences of collectivization in the 1930s and the 'second collectivization' of the 1950s]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, Voronezh.
- Danilov V. (2002) Istoriki v sotsiologicheskom issledovanii rossijskoj derevni (1990–1994 gg.) [Historians in the sociological study of the Russian village (1990–1994)]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovanij selskoj Rossii*, Moscow: ROSSPEN, pp. 115–141.
- Il'nykh V.A., Laperdin V.B. (2020) *Hlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurements in Siberia in the 1930s], Novosibirsk: SO RAN.
- Kollektivizatsiya sibirskoj derevni (yanvar – maj 1930 g.)* (2009) [Collectivization of the Siberian Village (January-May 1930)], Novosibirsk: II SO RAN.
- Shanin T. (2002) Refleksivnoe krestyanovedenie i russkoe selo [Reflexive peasant studies and the Russian village]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovanij selskoj Rossii*, Moscow: ROSSPEN, pp. 9–30.
- Selskoe hozjajstvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* (2012) [Siberian Agriculture in the 20th Century: Issues of Development and Crises], Novosibirsk: II SO RAN.